

ВИР

Сказочно правдивая история про Олю

СМЕРЧ

Бояться было нечего. Просто поднялся ветер. Просто понесло пыль, потом бумажки.

Оля шла домой, а за ней бежал Пуся и тоненько мяукал. Когда стало дуть, котёнок ни с того ни с сего бросился на Олину ногу и стал по ней взбираться. Хорошо, что была в брюках, не поцарапал. Но брюк тоже было жалко.

Оля наклонилась и поймала Пуся на середине ноги. А когда распрямилась, увидела, что кругом стало неладно. Именно кругом. К пыли и бумажкам прибавились какие-то тряпки, сухие ветки и куски картона, даже одна коробка из-под ботинок. Всё это летело по широкому кругу. А в центре круга стояла Оля.

- Во какая заверть, — сказала Оля. — Смотри, Пуся, и запоминай. Это – вихрь.

Пока она говорила, круги вихря начали быстро сужаться и обступили их с Пусей вплотную. Оля поняла, что хватит воспитывать котёнка, надо спасаться. И бросилась вперёд. У любого вихря есть край, а за краем – нормальная погода и солнышко.

Но вихрь не выпустил. Едва Оля вбежала в поток, по затылку ударила коробка из-под ботинок и, вертясь, исчезла в пыли. А сама Оля потеряла ногами землю и стала падать.

Она падала и не решалась выставить руки, потому что держала в них Пуся. А тот вцепился в её рукав и страшно замолк.

"Ладно, — подумала Оля, — ударюсь боком, невысоко. И полежим, пока пройдёт".

Но вихрь не прошёл. До земли Оля с Пусей не долетели. Их подняло и потащило вверх, по кругу.

- Летим, Пуся! Вот жуть! Держись крепче.

После этих слов Оля решила молчать, чтобы не глотать лишнюю пыль. Наверно, поэтому и котёнок больше не мяукал.

Их снова обогнала коробка от ботинок, только теперь не ударила, потому что её отнесло дальше. "Она легче, — подумала Оля. — А мы летим медленнее".

Но и её тоже относил от середины вихря.

"Сейчас вышвырнет наружу, — подумала Оля, — и свалимся с высоты. Высоко ли?"

Но ничего пока не было видно. Пыль быстро густела.

Оля решила не выпускать Пуся из рук ни при каких условиях. Он не виноват, что она влезла в этот тифон.

"Тифон? – подумала Оля. – Так называется смерч. Но откуда я это знаю?"

"Ты знаешь это от меня, — раздалось в ушах. Это был не крик, не рёв, не шёпот, не голос, а просто Шум. Такой понятный Шум. — Меня называют ещё – сувой, вир, сукавица, пучина. А ещё меня называют – смерч и торнадо. Издали, говорят, страшно красиво. А как тебе внутри?"

"Не знаю пока, — подумала Оля. Она была почему-то уверена, что смерч её слышит. — Странновато с непривычки. Ты меня не уронишь?"

"Постараюсь. Хотя, конечно, всяко бывает. От тебя зависит".

"Что же мне делать?"

"Руки надо бы расставить. Так лететь удобнее. Извини, мне некогда".

Оля решила, что руками можно рулить, как крыльями. Тогда не вылетишь наружу, тяжёлая. Она попробовала оторвать Пусины когти от рукава, чтобы сунуть его за пазуху. Но зверь вцепился по-зверски. Она подумала, что можно лететь и так. А то за пазухой он может вцепиться в голый живот, тогда обо всём забудешь.

Пока боролась с Пусей, пришлось покувыркаться, а когда раскинула руки и огляделась, было уже совсем непонятно, где верх и низ. Был только центр, вокруг которого всё летело.

"Извини, сейчас будет немного мокро", — сообщил Шум.

И сразу Олю окатило густой сыростью.

"Над вашим прудом проходим, — раздалось в ушах. — Грязная будешь. Не серчай".

"А зачем ты нас захватил?" — подумала Оля.

"А разве неинтересно?"

"Интересно. Только страшновато".

"Всё интересное должно быть страшновато. Разве нет?"

Что делать, пришлось согласиться. Оля вспомнила, что даже смешное надоедает. И в кино, и в книгах. А страшного раньше было мало и потому она не знала, надоедает ли оно.

"Страшное не надоедает, — сообщил Шум. — К страшному просто привыкают. Зато это и есть настоящая жизнь".

Картонная коробка снова догнала Олю, пришлось отмахнуться. Следом налетела какая-то тряпка и налипла на лицо. Оля схватила тряпку и узнала в ней бабушкин передник. "Прошли через наш двор, — подумала она. — Домой не попаду". И тут увидела солнце. Оно пробилось сквозь пыль и становилось всё ярче. "Держись, Пуся, — подумала Оля, — на край вылетаем!" И вдруг услышала: "Держусь!" Пуся сидел на руке верхом и смотрел на Олю отчаянными глазами.

Оля поняла теперь, где верх и низ, правильно расставила руки и ноги и удержалась в потоке. Круги сужались, её несло к центру. Но пылей не становилось. Это просто сужалась воронка. Внизу мелькнули дома и дворы. На одном сарае не было крыши.

"Сейчас нас ударит этой крышей, — подумала Оля. — Держись, Пуська!"

"Да держусь, держусь! Полетели домой. Мне тут высоко".

"Потерпи, Пусенька. Я постараюсь".

"Это я постараюсь, — раздался Шум. — Только надо вам пройти через центр".

Вращение усиливалось. У Оли закружилась голова. Она расставила руки и ноги ещё шире, чтобы крутило не так быстро.

"Правильно, — одобрил Шум. — Больше пока ничего не делай. Слушайся меня".

"Где же сарайная крыша? — подумала Оля. — Не прозевать бы".

"Не будет крыши. Она лежит на земле. Мы берём не всё. Только лишнее. Мусор всякий".

"Значит, мы с Пуськой — лишние?"

"Вы — гости. Так надо".

"Зачем?"

"Потом узнаешь. Готовься!"

Оля влетела в самый центр воронки. Здесь было тесно. Отсюда было хорошо и очень далеко видно. И здесь почему-то совсем не вертело. А выше, где воронка снова расходилась, было видно, что всё вертится в обратную сторону, и беззвучно сверкают молнии.

"Вот это да! На чём же мы держимся?"

"Ты готова?"

"К чему?"

"Спускаться".

"Пожалуйста, ещё немного вот так! Очень здорово видно!"

В ответ Оля услышала смех. И с минуту они с Пусей висели в неподвижном центре смерча. И любовались миром с какой-то очень большой высоты. Правда, любовалась почти одна Оля. Котёнок больше дрожал. Но и он тоже немного любовался.

"Пора! Будь внимательна!"

И они провалились.

Оля падала как парашютист, она видела такое по телевизору. Если наклоняла обе ладони влево или вправо, её начинало в эту сторону вращать. Пуся смотрел на неё и улыбался.

"Хватит баловаться, земля близко, — сообщил Шум. — Падай ровно. Упадёшь мягко".

"Как мне тебя называть?" — спросила Оля.

"Виром зови".

"Спасибо, Вир".

"Теперь слушай. Кто из меня жив выходит, тот меняется. Ты готова?"

"Не знаю".

"Молодец, правильно. Готова — не готова, куда тебе деваться? Не боишься, и то ладно. Так и живи".

Воздух снизу начал давить сильнее. Оля увидела под собой землю, траву, дорожку высушенного сена, стог... В этот стожок они с Пусей и врезались.

Когда Оля открыла глаза, вокруг было солнце. Чёрный вертящийся столб смерча уходил к лесу. Он изгибался и покачивался, будто медленно плясал.

- Пуська, ты живой? — спросила Оля.

И услышала в голове ответ: "Сама не видишь?"

"Так мы разговариваем?" — подумала она.

"Сама не слышишь?" — раздалось в голове.

Оля подобрала с травы бабушкин фартук и отправилась домой.

Пуся так и висел на рукаве. У него не разжимались когти.

СКУПИЦА

Оля шла по полю не спеша. Было о чём подумать, пока до дому далеко.

В правой руке она держала бабушкин фартук, а левой держалась за собственный брючный ремень. На левой руке всё ещё сидел Пуся. Когти его намертво вцепились в рукав. Он мурчал с закрытыми глазами. Видно, приходил в себя после жуткого полёта внутри смерча. Его шерсть подсыхала и уже почти вся стояла дыбом. Значит, страх ещё не прошёл. Пуся был непривычно тяжёлый. Отчего бы? Оля подумала об этом, и Пуся нехотя ответил: "Это у тебя рука устала".

Оля ему не поверила. Она теперь всё сваливала на смерч. Как его там зовут, Вир, что ли?

"Этот Вир, конечно, не злой, — думала Оля. — Мог нас запросто уронить с высоты. Разбились бы. Только зачем он нас забрал? Ведь он прямо вокруг нас образовался. Этот Вир, наверно, такой дух. Он, наверно, может превращаться не только в смерч".

"Конечно, — вмешался в её мысли Пуся. — Если он когда-нибудь превратится в мышь, даже в крысу, обязательно съем. За что так напугал? Что мы ему сделали?"

"А если он не сам? — возразила Оля. — Если его кто-то послал? Он же в природе не самый главный".

"А если самый?"

"Незачем спорить о том, чего не знаем, — предложила Оля. — Давай лучше подумаем, для чего он нас научил друг друга понимать. И чему ещё научил, как узнать?"

Пуся понемногу успокаивался. Шерсть его уже не так торчала. Но когти всё ещё не разжимались. Или он не хотел их разжимать, чтобы подольше прокатиться на руке.

"Для чего он нас научил понимать, тут и думать нечего, — ответил он. — Нам ведь это нужно, вот и научил. А чему ещё — разберёмся, не бойся".

И тут сверху послышался огромный тяжёлый вздох. А в нём Оля и Пуся услышали:

"Не-е-ет! Ну не-е-ет!"

Оля подняла голову. Очень низко, невиданно низко летела грозная чёрная туча. Так и казалось, что сейчас из неё ударит молния. Но, наверно, туча уже отдала земле все свои молнии. Осталась одна влага. Туча обдала Олю и котёнка сыростью и подумала: "Эх, молнии кончились..."

"Она о нас подумала! — испугался Пуся. — Все кошки притягивают молнию!"

"Не о вас, — подумала Туча. — Молниями я от земли отталкиваюсь. Позади остался лес. Я об его ёлки чуть не порвала себе брюхо. Вот и извела на них все молнии. А впереди ещё один лес. Тяжело нести столько воды. Вся ему достанется".

"А ты это поле полей, — предложила Оля. — Взлетишь повыше".

"Жалко воды, — ответила туча. — Я несу её от самого Афганистана. Там есть прекрасная сухая долина с короткой речкой. Речка вытекает из земного разлома и скоро в нём опять пропадает. А над разломом, в чистом сухом воздухе, сверкают и сверкают молнии: водород соединяется с кислородом. Ты проходила это в школе?"

"Нет ещё, — ответила Оля. — Мне только десять лет".

"Водород — очень лёгкий газ, — объяснила туча. — Он поднимается из недр земли и соединяется с кислородом. При этом сверкает молния, потому что взрыв. И образуется вода. Очень маленькие капельки".

"Понятно, — перебила Оля. — Ты состоишь из капелек, мне папа рассказывал".

"Я впитала в себя много мелких туч, я самая богатая, во мне больше всех воды. Я не отдам моё богатство никому".

"Брюхо порвёшь", — подумал Пуся.

"Зато моя смерть будет прекрасна. Я умру непобеждённой".

"Ты не умрёшь, — возразила Оля. — Просто похудеешь".

"Жадина, — подумал Пуся. — Скупница".

"А ты, кошка, глупица, — подумала туча. — Умрёшь в бедности".

"Я не кошка, я кот".

На это туча не стала отвечать. Она полетела дальше — в ту же сторону, где скрылся смерч по имени Вир. Оля и Пуся смотрели ей вслед, пока чёрное брюхо не коснулось первых ёлок. Там блеснула хилая молния и сразу хлынул поток дождя.

"Не удержала, — подумал Пуся. — Зато легче полетит".

"Мы умеем разговаривать с тучами, — подумала Оля. — Разве плохо?"

"А какая нам от этого польза? — подумал Пуся. — Будь в них молоко..."

ДРАКА

После встречи с тучей Пуся почти успокоился, но идти пешком не захотел. Взобрался по рукаву и устроился у Оли на левом плече.

"Только когтями не впивайся", — подумала ему Оля.

"Козе понятно", — подумал ей Пуся.

"Какой козе? — Оля не поняла. — Ты ж не коза. Сказал бы — коту".

"Эх, ты, — Пуся засмеялся, — простого не знаешь. "Козе" — это значит "даже козе, а не то что коту". Сама подумай, кто умнее — кот или какая-то коза?"

"Теперь понятно, — подумала Оля. — Я-то считала, все животные — в одном уме".

"Отнюдь, — подумал Пуся. — Каждое животное — в своём уме. А кот — особенно".

Тут они вошли во двор и услышали под навесом какой-то шум.

Ветер усиливался. Это он, наверно, шумел в жердях и столбах навеса. Но оказалось, что это не просто шум, а свирепая ссора шёпотом. Даже с дракой.

На плечиках под навесом сушились две части папиного таёжного костюма — брезентовая куртка-энцефалитка и такие же брюки. Оба спорщика висели на соседних гвоздях и легко могли друг до друга дотянуться.

Разумеется, никто, кроме Оли и Пуся, слышать их не мог.

"Ты первой начала! — кричали брюки и хлестали куртку штанинами. — Ты работаешь сверху, тебе меньше достаётся грязи! Ты обязана меня уважать!"

"Да я тебя уважаю, — куртка отбивалась рукавами. — Я ж понимаю, тебе труднее. И в сапоги тебя суют, и грязь, и колючки. Я и не хотела тебя бить. Это ветер".

"Да ты и без ветра мною всегда командуешь! Ты и руками командуешь! Они всё время шарят у меня по карманам! И нож хватают!"

"Скажи ещё, что я и ногами командую, — обижалась куртка. — У человека ведь есть голова..."

"Да он просовывает свою голову в твой ворот, накрывает её капюшоном, вот и делает, что ты захочешь! Вспомни, как мы вчера лезли на кедр за шишками! Вся смола мне досталась!"

"Неправда, — куртка обиделась ещё больше. — Я тоже вся в смоле".

"Но тебя отчистили бензином! Ты теперь вон как здорово пахнешь!"

"И тебя бы отчистили, да бензин в бутылке кончился".

"Меня уже никогда не отчистят! — сердились брюки. — И всё из-за тебя! Кто сверху, тому всё и достаётся!"

Штанины хлестали куртку и пытались даже вытащить охотничий нож, который болтался вместе с ними на ремне. Однако нож сидел в ножнах крепко и тихо смеялся.

"Такая уж судьба, — сказала куртка миролюбиво. — Верхние всегда живут дольше нижних. Одной куртке одних брюк никогда не хватает".

"Всегда", "никогда"! — Брюки совсем пришли в ярость. — А почему нас никто не спрашивает? Вот зачем тебе вторые брюки? Тебе что, со мной плохо?"

"Да не дерись ты, — защищалась куртка. — Мне с тобой хорошо. Никто другой мне не нужен. Всё дело в человеке. Он главный, а не я".

"Это он тебе такое наврал? Ну, погодите! Я заведу вас в болото и утону вместе с вами! Никакие сапоги не помешают!"

"Да что ты такое говоришь?! — Куртка наконец по-настоящему рассердилась. — Почему ты только о себе и думаешь?"

Она стала хлестать рукавами так, что теперь брюкам пришлось отбиваться.

"Никаких моих сил больше нет! — кричала куртка. — Сверху голова придумывает разные глупости, снизу — ты! Да ещё руки — делают что попало! Да ещё ноги — несут куда зря..."

"Да ещё сапоги!" — подначили брюки.

"Да что сапоги? При чём сапоги? — Куртка так же быстро успокоилась, даже перестала защищаться. — Они слушаются ног, ноги и руки слушаются головы — вот как всё на самом деле".

"Откуда ты знаешь? — удивились брюки. — Врёшь, поди, как всегда?"

"Видишь этот карман? — спросила куртка. — Это "умный" карман. В нём человек носит блокнот. Ты его знаешь: когда пишет, он ведь кладёт его на колени".

"Знаю. А что он пишет?"

"Он пишет свои мысли, свои планы. Куда пойти, что сделать, как сделать... Я-то знаю..."

"И что же?" — брюки тоже перестали махать штанинами.

"А то самое, — вмешался вдруг нож. — Я стругаю карандаш, которым он пишет. Я тоже кое-что знаю. Конечно, всё дело в голове. Она всё выдумывает. Но и не только".

Ветер совсем стих. Над домом повисла большая тяжёлая туча. Из неё начало моросить. Голоса из-под навеса стали едва слышны, и Оля с Пусей приблизились.

"Кроме головы есть ещё что-то, — продолжал нож. — Я не знаю, как называется, но живёт не в голове. И спорит с головой. И бывает, заставляет нас делать по-своему".

"Я об этом догадывалась, — прошептала куртка. — У меня под "умным" карманом всё время что-то толкается. Бывает — медленно, а бывает — очень быстро. И когда толкается быстро, тогда руки и ноги перестают слушать голову".

"Эй, вы, — раздалось сверху, — не очень болтайте. Вас подслушивают!"

"Кот и девчонка, что ли? — Брюки рассмеялись. — Глупости!"

"Они только что побывали в смерче", — раздалось сверху.

"А-а-а, это туча!" — догадался Пуся.

"Вот слышите!" — раздалось сверху.

"Побывали в смерче и уцелели? — вмешался новый глухой голос, который исходил из "умного" кармана куртки. — Что-то не верится".

"Я сама видела", — сообщила туча и усилила дождь. По жёлобу побежала вода. Она полилась в бочку и зажурчала: "Я знаю это точно!"

Бочка тихим гулким голосом подтвердила: "Да-да-да-да..."

"И чего же вы все испугались? — подумала Оля. — Что мы вам сделаем?"

"А никогда заранее нельзя знать, что вы натворите, — зажурчала вода. — То ли в умывальник нальёте, то ли поставите на огонь, а то и проглотить можете".

"Это точно, — подумала Оля. — Пошли, Пуська, в дом".

"Иди, — ответил Пуся и спрыгнул на землю. — Отдохни и успокойся. А я уже в порядке. Я пойду под дом, мышек *послушаю*".

"Ну и зверь ты, Пуська, — подумала Оля. — Тебе что, молока мало?"

"А поживи сама на одном молоке", — ответил котёнок. И скрылся под крыльцом.

ПОЛУДИКИЙ ЗВЕРЬ

Котёнок отправился на охоту. Оле было жалко мышек: они такие симпатичные и тихие, всех боятся. Но она вспомнила слова мамы: "В природе всё справедливо. Мыши очень быстро плодятся, поэтому кошки и совы должны их есть. Иначе мышей будет слишком много, они начнут голодать, болеть, от них мы заразимся и так далее". "Ладно, — подумала Оля, — коту попадают только глупые мыши. А умные когда-нибудь станут как люди. Так считает папа". Успокоившись таким образом, она пошла в дом, чтобы помыться после мокрого смерча, переодеться и постирать рубашку и брюки.

- Хозяйственная ты нынче, — похвалила бабушка.

- Вся в тебя, — сказала Оля.

- Где ж ты так вывозилась?

- Мы с Пуськой хулиганили.

- А он где? Тоже грязный?

- Он вылизался и полез за мышами.

- Вернётся, его тоже постирай.

Оля засмеялась. И услышала, как бабушка подумала: "Ты моя умница, ты моя красавица, ты моя хозяйечка, и шутки понимаешь! Ну при всём девка!" "Я не девка, а девочка", — подумала ей Оля. Но бабушка не ответила. "Значит, не услышала?! Вот так так..." Оля с тайной гордостью подумала, что сможет теперь подслушивать всех — и маму, и папу, и деда... И тут же чего-то испугалась. А чего — не поняла.

Она закончила стирку, развесила свои вещи рядом с папиным лесным костюмом и вернулась к бабушке.

- Пойду кроликов накормлю.

- Просто проверь, — отозвалась бабушка. И подумала: "Ты ж моя прелесть! Не сглазить бы". И добавила строго: — Посмотри, может, водички им подлей.

"Ух, какая я чудесная", — подумала Оля весело. И простила себя за то, что не сказала бабушке про смерч по имени Вир. Если бы сказала, это ведь был бы кошмар. Бабушка стала бы расспрашивать и ощупывать. Можно было бы нечаянно проговориться о чудесах. А Оле было страшновато об этом болтать. Хоть Виру ничего и не обещала, но как-то неловко было сообщать бабушке, что слышишь её мысли. А насчёт разговоров с тучами и с одеждами даже опасно: не поверят, к врачу могут потащить. А врача такого в деревне нет, повезут в город. А город Оля не любит. Там хоть и интересно, но тесно и неудобно — всё чужое.

Оля вышла во двор и услышала, как под крыльцом тоненько и свирепо урчит Пуся: "Моя-у-у-у!" "Поймал первую, зверюга!" — подумала Оля. "Вторую-у-ую!" — ответил котёнок и тут же про Олю забыл.

Она дошла до крольчатника и увидела у двери молодого кролика. Серенький сидел тихо, а когда Оля подошла поближе, отпрыгал к дальнему углу.

"Как это он здесь оказался? — подумала Оля. — В клетке же сидел".

"В дырявую клетку посадили", — подумал ей кролик.

"А из крольчатника зачем вылез?"

"Дырявый же крольчатник".

"Что же теперь будешь делать?"

"Я теперь дикий зверь!" — сообщил кролик. И ускакал в лес, благо до леса несколько папиных шагов.

"Ай-ай-ай, — подумала Оля. — Они же все так разбегутся".

Обошла крольчатник, нашла свежую нору, взяла лопату, забросала нору землёй притоптала. Подумала: "Всё равно прокопают" — и положила на это место кирпич.

Потом вошла в крольчатник и стала искать дырявую клетку. Нашла. Там сидели ещё два небольших кролика — чёрный и серый.

"Что же вы не убежали?" — спросила Оля.

"Разведчика ждём, — ответил серый. — Вернётся за нами — уйдём".

"Какие вы глупые", — подумала Оля.

"Мы умные, — ответил чёрный кролик. — Это разведчик глупый".

"Почему же он глупый?"

"Его там могут съесть, а он не боится".

Оля смешала свои мысли, чтобы кролики не поняли, что разведчик ей больше нравится. Она придвинула к дырке в клетке тяжёлую кормушку, потом осмотрелась, громко подумала: "Так, еда у всех есть. Вода — тоже. Пойду".

И вышла из крольчатника.

И сразу за дверью увидела серенького разведчика.

"Что, храбрец, обратно в клетку захотел?"

"Я не храбрец. Я испугался. На свободе страшно. Собака там. Пусти назад".

"Не будешь больше убежать?"

"И детям, и внукам своим закажу! Пусти домой".

Оля взяла беглеца за уши и отнесла в его клетку. Подумала: "Живи, дикий зверь". Кролик ответил грустно: "Я не дикий. Я только немного полудикий".

Оля вернулась домой и сказала бабушке, что в клетке, где три молодых кролика, прогрызена дыра, пусть папа забудёт.

"Прелесть ты моя!" — подумала бабушка с гордостью. И сказала насмешливо:

- А сама что же, гвоздя забить не можешь? Возьми под навесом дощечку...

- Я клетку не отодвину, — сказала Оля. — Тяжёлая.

"Умница!" — подумала бабушка и проворчала:

- Такие дети хилые... Ладно, расти пока. Скажу отцу. А ты сходи на огород, нарви укропу. Сварю картошечки. Да садись потом почитай. А то до школы разучишься.

И подумала: "Ах, какая девка ладная растёт!"

"Не девка, а девочка", — подумала Оля. Но бабушка не услышала. Она ведь в смерче не летала.

Оля пошла на огород. Пуся уже охотился там. Он поймал большую пятнистую земляную собачку, но не мог с ней справиться, а она сердито вырывалась и тянула его к своей норе.

- Пуська! — позвала Оля.

Котёнок на миг ослабил хватку, собачка вырвалась окончательно и скрылась под землёй.

"Такую охоту испортила! — подумал зверь сердито. — Не вмешивайся в дикую жизнь".

"Ты не дикий, — Оля пригласила ему взъерошенный закрик. — Ты — полудикий. Ты вот что: посматривай за кроликами. Они там подкапывают и удирают. А их Босьяк поймает и слопаёт".

"Сама ты полудикая, — возразил Пуся. — Я в Босьяковы дела вмешиваться не хочу. Мне не нравится, когда он берёт меня в зубы и носит по двору".

"Но это ужасно забавно! — подумала Оля. — Тебе ведь не больно?"

"Не больно, но противно, — котёнок даже фыркнул. — Тебя в зубах не носили..."

"У нас кролики разбегутся", — пожаловалась Оля.

"С Босьяком договаривайся".

Оля хотела возразить, что с Босьяком не договоришься, что он дикий совсем, что он у папы охотником служит. Но котёнок с сожалением посмотрел на собачкину нору и ускакал к дому.

Оля рвала укроп и думала: "Наверно, по-настоящему домашний зверь — одна я. Кто ходит на четырёх, домашним быть не может". И тут же услышала: "Какая умная девочка".

Из норы на неё с диким уважением смотрела пёстрая земляная собачка.

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Оля выполнила все бабушкины задания. Укропу нащипала, накрошила и не порезалась. Во всём доме подмела и не напылила. Пыль со всех плоскостей вытерла и не размазала. Половики выбила и постелила.

- Отдых заработала, — сказала бабушка. — Можешь почитать.

А сама подумала: "Умница моя. Золотой ребёнок". Оля это подслушала и сказала:

- На крыльце почитаю. Погода хорошая.

После дождика свежо дышалось. В той стороне, куда ушёл смерч по имени Вир, стояло аж три радуги, одна под другой. Верхняя — самая отчётливая. Вторая — побледнее, но такая же длинная — от леса до леса. А самая нижняя была короткая и просто висела в воздухе, но точно посередине, на фоне чёрных улетевших туч, будто на них нарисованная. Где-то там ещё лился дождь: были видны под тучами широкие косые серые полосы. Всем этим можно было любоваться, и Оля стала любоваться. С яркого солнечного крыльца.

Книгу она взяла с полки не глядя, чтобы просто поддержать раскрытую на коленях и подумать о своих делах. Она вдумывалась в новое слово, которое сегодня утром, как на заказ, услышала по радио: "осознать". Именно осознать ей было нужно — то, что сегодня случилось с ней и с Пусей. Пуся, правда, осознал всё быстро и сразу стал пользоваться. Но Оля не котёнок, чтобы так быстро осознавать сложные вещи. Может быть, звери, тучи, одежда и вода всегда так легко беседуют между собой, вот и не удивляются. Но Оля-то — впервые.

"Никто из людей не понимает язык зверей, — думала Оля. — И язык вещей — тоже. А я теперь понимаю. Из-за смерча. Видно, дело в электричестве. Там кругом были молнии. Но тогда я бы этому научилась давным-давно: например, когда сунула палец в патрон вместо лампочки. Так ведь нет! Просто дёрнуло и — ничего. Значит, дело не в электричестве".

Она положила книгу на скамейку и стала прохаживаться по широкому крыльцу из угла в угол.

"Смерч со мной разговаривал — вот в чём дело! Даже имя своё назвал. Значит, он живой. То есть, одушевлённый. То есть, у него есть душа. И у тучи есть душа. И у куртки, и у брюк, и у воды. И у Пуськи, само собой".

Думать было трудно. Оля даже спустилась с крыльца. Но во дворе, на мокрой траве, думать было ещё труднее. Пришлось вернуться.

"Ага, вот ещё что, — вспомнила Оля. — Я не знаю ни английского языка, ни немецкого, никакого. Хотя все люди похожи. А звери вон как непохожи. Значит, у них языки и вовсе должны быть разные. И у вещей... Как же мы все друг друга понимали? Смерч, Пуська, туча, одежда, вода — все понимали! Значит, мы не слова понимали, а мысли? И каждый потом на свой язык переводил? Нет, так голову можно сломать, хоть я и умница, и золотой ребёнок".

Она снова спустилась на траву, только теперь сняла туфли и пошла бродить босиком. Пусть мокрые ноги заставят голову правильно думать.

Когда зашла за второй угол, в голове раздалось:

"Не наступи, а то укуш-ш-шу!"

Оля подпрыгнула и отлетела назад. Она почему-то легко узнала голос длинной чёрной гадюки, которая жила в норе под домом. Пуська не любил гадюку, но боялся. Однажды поймал её за хвост, когда голова уже скрылась в норе. Но сил не хватило. Она его чуть самого в нору не утащила. Хорошо, что толстый. Жаль, что Оля тогда не понимала, о чём они ругались. Котёнок выл, гадюка шипела. Теперь змея подумала Оле:

"Молодец! Хорошо соображаешь".

Оля подумала в ответ:

"Страшная ты, ядовитая".

"Потому что безногая, — ответила гадюка. — Я сама всех боюсь".

Она дружелюбно смотрела на Олю из травы и не удивлялась, что можно так запросто поговорить с человеком.

"Я удивляюсь, когда меня не понимают, — сразу объяснила гадюка. — А когда понимают, тогда чему удивляться?"

"Ты слышишь мои мысли?" — спросила Оля. Она знала от бабушки, что змея мудра, поэтому решила её порасспрашивать.

"Мысли слышат почти все, — ответила змея. — Только не все понимают".

Было слышно, как она довольна, что её мудрость хоть один человек признаёт.

"А кто не понимает?" — спросила Оля.

"Только люди".

"А кто не слышит?"

"А не слышат камни, — сообщила змея. — Ты любознательный человек. Приятно".

"А почему камни не слышат?" — Оля из скромности пропустила похвалу мимо ушей.

"Да ведь ты об этом уже думала, — змея засмеялась. — Ты ведь думала о душе?"

"Интересно, — подумала Оля. — Гадюка умеет смеяться". И тут же ей стало стыдно: а почему бы гадюке и не засмеяться? Гадюка засмеялась этим её мыслям и объяснила:

"Язык у всех один — язык души. А душа есть у всех, даже у камней. Но в камнях она отдыхает. То есть, просто спит. В растениях она просыпается. В воде и в животных душа движется. А в человеке — рассуждает и выдумывает. У человека самая развитая душа. Но у всех людей она глухая. Вот только у тебя... Поняла?"

"Вот это Вир! — подумала Оля. — Вот это подарок! Но почему!"

"Вопрос неправильный, — подумала ей гадюка. — Не "почему", а "для чего"? Кстати, кто такой этот Вир?"

"Это смерч, — подумала Оля. — Он меня поднял в поле, очень высоко, вместе с Пуськой. Потом опустил. Сказал: "Кто из меня выходит, тот меняется. Так и живи".

"И всё? — удивилась гадюка. — Ничего больше не сказал?"

"Наверно, ему было некогда. Нас опустил, а сам дальше пошёл".

"Опасно всё это", — подумала гадюка.

"Всех понимать? Почему?"

"Потому что человек рассуждает и выдумывает. Нам опасно. От такого человека не спастись. Не укусить ли мне тебя..."

Оля бросилась бежать. Вслед хохотала змея.

ВСТРЕЧИ НА КОРТОЧКАХ

После разговора с насмешливой змеей Оля решила больше не ходить босиком: мало ли что взбрѣдет в голову этой ползучей мудрице.

Она вернулась на крыльцо, забрала с лавочки свою книгу и пошла в дом.

- Начиталась? — спросила бабушка.

- Погуляю, — сказала Оля. — Только обуюсь. Мокро.

- Правильно, — одобрила бабушка. И про себя добавила: "Ну золотой ребёнок!"

Оля нашла в сенях свои резиновые сапожки, сунула в них босые ноги и пошла гулять.

В поле она решила сегодня больше не ходить: вдруг что-нибудь не так сделала с новым даром, а смерч налетит и отберѣт. Да ещё об землю шмякнет с высоты. Хоть и не хотелось такое думать о смерче, но страшок всё равно был, бесконтрольный.

Она решила пойти на дедову пасеку. Пчѣлки после дождя опять начали летать. Олю они не трогают, потому что от неё правильно пахнет — так говорит дед. И хотя без деда ходить к ним не велено, Оля просто подойдѣт к валуну, который лежит на краю пасеки. Он такой большой. Может быть, и душа в нём большая и уже просыпается. Попробовать поговорить. Какие, например, сны бывают у камней...

Над пасекой уже гудело. Оля там всегда вспоминала красивые стихи: "Пчела из кельи восковой летит за данью полевой". Она видела соты — там у каждой пчелы своя келья, только очень тесная. Вообще-то пчѣлы в этих кельях не живут. Они в них только рождаются, а

жить там для них тесно. Они туда складывают мёд. Но всё равно красивые стихи. За данью полевой пчелы летели мимо Оли и вежливо её огибали. Их мыслей Оля не слышала. Просто каждая из них летела в известное место и запоминала путь, чтобы правильно вернуться в свой улей, а не в чужой.

"Почему нельзя в чужой улей? — подумала Оля. — Пасека ведь всё равно общая". Ответить было некому. "Спрошу у деда, когда вернётся", — подумала Оля. И присела перед валуном.

Камень был круглый, покрытый вмятинками и гладкий. Даже внутри вмятин было очень гладко, будто стеклянно. Дед говорил, что это метеорит, небесный странник. Огромные и маленькие камни летают в космосе. Аж между звёзд, дальше Луны и Солнца. Когда они сталкиваются с Землёй, в небе остаётся огненный след. Это они горят в воздухе от трения. Маленькие сгорают совсем, а большие обгорают вот так же и падают, зарываясь в землю. Когда построили этот дом, никто про камень не знал. Много лет не знали. Но земля выталкивает такие занозы на поверхность. Вот и этот валун однажды задела, когда копали огород. Пришлось цеплять его тросом и тащить трактором. Оля тогда ещё не ходила в школу. Она помнит, как приезжали учёные, осматривали небесный камень и откололи кусочек. Больше они не приезжали. Просто прислали письмо, что это весьма обычный каменный метеорит, таких у науки и без него много. В общем, не стали отбирать. Камень был сначала Оле по грудь, теперь уже по пояс. Ей нравилось на нём сидеть и наблюдать, как дед обслуживает ульи: пыхает внутрь из дыمارя, снимает крышу, достаёт рамки с кельями восковыми, а по ним ползают рабочие пчелы...

Оля не стала садиться на камень, а присела рядом: так всё же приличнее разговаривать.

"Ты в самом деле с небес?" — подумала ему Оля.

Камень молчал.

"Ты спишь?" — спросила Оля.

Камень не ответил.

Оля ждала и вслушивались довольно долго. Но ни одной мысли не раздалось.

"Видно, чёрная гадюка права, — подумала Оля. — Спит в нём душа. Отсыпается после полётов по космосу. Я, небось, тоже бы отсыпалась лет сто".

Оля подпрыгнула и уселась на камень. Случайная пчела не успела её облететь, ударилась о грудь и упала на колени.

"Ой, пчёлка, больно ударилась?"

"Правее солнца, розовый луг. — Пчёлка твердила про себя одно и как будто не слышала Олю. — Назад до камня, жёлтый улей".

"А, вот ты откуда! — Оля посмотрела на жёлтый улей. — Ни в синий, ни в красный не полетишь?"

"Розовый луг, жёлтый улей", — повторила пчела. Оправилась после удара и улетела в сторону розовых зарослей кипрея.

Оля спрыгнула с камня и подошла к жёлтому улью. Присела у летка. По полочке ползали несколько пчёл.

"Я вашу рабочую пчелу нечаянно сбила", — подумала им Оля.

"Чужой перед ульем, — подумали сразу все пчелы на полочке. — Но опасности нет".

Больше они ни о чём не думали. Это были пчелы-охранники.

Тут какая-то пчела опустилась на полочку и сообщила: "Полный груз, тяжело".

"Лети в свой улей!" — зажужжали охранники.

"Тяжело, — повторила рабочая пчела. — Не долечу".

"Лети в свой улей!" — повторили охранники и грозно придвинулись к чужой пчеле. И наставили свои жала.

Она тут же спрыгнула с полочки и кое-как полетела низом к синему улью.

"Ну и порядочки у вас", — подумала Оля.

Она встала и пошла к лесу. Деревья начинались сразу за пасекой, и там был муравейник. Оля решила сравнить пчёл с муравьями.

По пути пришлось остановиться у небольшой, чуть выше Оли, берёзки. На белой коре была глубокая царапина. Весной из неё бежал сладкий сок, а теперь остались потёки. С них что-то своё собирали муравьи, а с муравьями ссорилась пчела.

"По земле ползайте! — жужжала она. — А тут — наша еда!"

"Еда отсюда вам вредна, — отвечали муравьи. — Лети к своим цветам!"

Муравьи кричали хором и брызгали в пчелу своей кислотой, а она пыталась достать их жалом, но не попадала.

Оля толкнула берёзку, и пчела улетела.

"Вы тоже из этого мёд делаете?" — спросила Оля муравьёв. Но они не ответили. Наверно, просто не видели, кто с ними говорит.

Оля знала, что очень большое так же трудно разглядеть, как очень маленькое. Она положила палец на ветку рядом с муравьями и снова подумала: "На мёд собираете?"

Муравьи бросились на палец и закричали хором: "Ползи отсюда, пока не съели! Сейчас весь муравейник позовём!"

"За гусеницу приняли", — подумала Оля.

"А за кого же тебя ещё принять!?" — возмутились муравьи. Один успел впиться ей в палец.

Оля отдернула руку и стряхнула муравья.

"Ишь, головорезы, — подумала с уважением. — Такие не пропадут".

"Отрежем любую голову, — согласились муравьи хором. — Ползи к муравейнику по-хорошему!"

"Не ходи к муравейнику!" — раздалось рядом.

Оля оглянулась. Это Пуся подкрался бесшумно.

"Я там был, — продолжал он. — В детстве, ещё весной. Чуть не сожрали. Они преобильно кусаются. И брызгают в глаза какой-то дрянью. Хищники, хуже собаки. Притом совершенно тупые. На всех одна мысль: сожрать или прогнать. Играть не умеют. Пошли отсюда!"

И полез вверх по Олиной ноге.

Она взяла котёнка на руки, и тогда он промурчал: "Домой беги. Там что-то случилось. Только меня, смотри, не урони".

Уже на бегу Оля подумала: "Все дети как дети, любят побегать. Один Пуська любит кататься".

"Покататься все любят" — возразил Пуся.

СТРАШНЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

Пуся сидел на плече и торопил. Да ещё всё время требовал, чтоб не уронила его. Это было трудно выполнять, потому что он при любом толчке вцеплялся когтями до кожи. На полпути Оля перестала бежать. Пуська зашипел: "Скорее! Дед же пропал!" Оля ему подумала: "Ты ещё потребуй, чтобы я бабушке сказала, что я всё знаю. Она спросит, откуда. А я скажу, что ты сообщил. Так?" Пуся подумал и восхитился: "Ух, ты и умная..."

Оля спокойно прошла между грядками, отдышалась и в дом вошла, будто и не спешила.

— Как дела, бабуля?

Бабушка выглядела встревоженной. Она сказала:

— Не могу понять, чего это дедов маячок пищит.

Из телефонного аппарата доносилось реденькое попискивание. Не голосистый звонок, как бывает обычно, а такое: "Пик... Пик... Пик..." Это папа, ради дедовой безопасности, сделал ему радиоподарок. Встроил в мобильный телефон пищалку и вывел на крайнюю кнопку. Дед всё же старенький. Если ему в лесу станет так плохо, что и позвонить не сможет, то просто нажми кнопку, и тревожный сигнал запикает в домашнем телефоне. Тогда домашним нужно снять с гвоздика круглую медную рамочку на шнурке, повесить её на грудь и нажать кнопку на компасе, который внутри рамочки. Это устройство тоже начнёт попискивать. Громче всего будет пищать, когда стоишь лицом к тому месту, где

находится дед. Эту штуку папа называет пеленгатором. Он в молодости занимался таким спортом — "охотой на лис". Там тоже спортсмены бегают с такими рамочками по лесу, ищут друг друга. Дед тогда посмеялся: "Я тебе не лиса". Но маячок с собой носил. Хотя даже телефоном почти не пользовался.

И вот маячок вдруг запищал. Оля спросила бабушку:

— А дед здоровый был, когда уходил?

— Здоровый-то здоровый, да дело у него сегодня нездоровое. Там где-то он нашёл следы браконьеров. Сказал: "Понаблюдаю". Но ты ж его знаешь. Если что не по закону, он обязательно вмешается. А браконьеры бывают с оружием. Вот я и волнуюсь.

— Надо не волноваться, а спасти, — сказала Оля. — Ты ему позвонила? Может, он кнопочку случайно нажал?

— Позвонила. Не отвечает.

— А ещё куда позвонила?

— Маме твоей в больницу. Сказали, у неё сложная операция, нельзя отвлекать.

— Та-ак... А папа в рейсе...

— Папа должен вернуться завтра. Или послезавтра.

— Тогда, бабуля, звони в милицию.

— Уже.

— И что?

— Сказали, что у них сегодня людей не хватает. Какая-то операция у них.

— У всех операции, — сказала Оля сердито. — А деду хоть пропадай. Давай что-то делать, бабуля! Надо ещё куда-то звонить. Спасателям каким-нибудь. Вертолётчикам...

— Вот я и думаю...

— Не думать надо, а звонить! — сказала Оля строго. — Ты звони, а я пойду пока во двор. Ко мне на воздухе лучше идеи приходят.

С котёнком на плече она вышла на крыльцо. Пуся сразу прыгнул и пошёл рядом. Когда спустились с крыльца, он заявил: "А ко мне идеи приходят, когда я охочусь". И ускакал в огород.

Оля заложила руки за спину и стала прохаживаться по двору. Так всегда делал дед, когда искал идею.

Она ходила и ходила, а глаза шарили по сторонам и мешали искать идею. Оля их закрыла, сделала несколько шагов, но теперь приходилось думать о том, как бы не наткнуться на что-нибудь и не оступиться. Глаза пришлось открыть. "Зря хожу, — подумала Оля. — Я не дед. Ко мне идеи могут приходиться как-нибудь по-другому". И она пошла к забору, где росли молодые берёзки и рябинки. Год назад их принесли из леса и посадили для красоты, и они прижились. На рябинках уже висели грозди жёлтых ягод. Когда покраснеют, можно будет есть, хоть и горькие.

Оля дошла до деревьев и остановилась. И увидела паучка. Он спускался с берёзки на собственной паутинке, которую выпускал из себя. Оля хотела подслушать, о чём он думает, но паучок мыслей не имел или не показывал. Он молча спустился на землю, перебежал до рябинки и стал по ней подниматься. Паутинка тащила за ним. Вот он взобрался на такую же высоту, с какой спустился, натянул свою паутинку и прилепил её к ветке. Потом побежал вверх по стволу, и новая паутинка тянулась за ним. На полметра поднялся, прилепил паутинку к другой ветке и спустился на старое место. Теперь побежал по натянутой паутинке к берёзе, а новую нитку тащил за собой. Потом по берёзе поднялся на полметра и там натянул и прилепил вторую нитку.

"Так вот он как строит паутину!" — подумала Оля. И тут же услышала писк комаров.

Их было двое. Комар и комаришка. Они подлетели к Оле сзади и повисли у самого уха.

— Напьемся крови, — предложила комаришка. — У человека самая вкусная кровь. И кожа самая тонкая.

— Кровь солёная, — ответил комар. — А я сладкое люблю. Полетели вон к той клумбе. Ты не пробовала нектар?

— И пробовать не хочу. Крови жажду!

— Хорошо, — ответил комар. — Попей этой дряни и прилетай вон туда, где этот чудака ползает по ниткам. Я принесу тебе нектару, попробуй всё же. Да поосторожнее: человек опасен!

Комар улетел, а Оля отмахнулась от комаришки и села на лавочку у калитки: может быть, в сидячем состоянии к ней приходят идеи? Но вместо идей пришла посторонняя мысль: "Что за странное выражение — "в сидячем состоянии"? Ведь "состояние" — от слова "стоять", а не от слова "сидеть". Но ведь не скажешь — "со-сидение"..."

Нет, сидя не думалось. Оля вышла на солнышко, которое как раз выглянуло между быстро летящими облаками. В стоячем состоянии, лицом к солнцу, с зажмуренными глазами — может быть, так её осенит?

Но нет, не осеняло. Только солнце грело веки, да в глазах стояли радужные круги.

Оля подошла к кухонному окну и прислушалась. Бабушка с кем-то говорила по телефону. Тон у неё был такой, каким надо убеждать, когда не соглашаются. Значит, идеи требуются срочно. И Оля дошла до клумбы, отмахиваясь от назойливой комаришки. Может быть, из-за этой твари не приходили идеи? Оля попыталась её изловить, но тварь сразу куда-то исчезла. Комар — вот он, на цветке календулы, уже толстый и прозрачный от нектара. Может быть, и его подружка где-нибудь рядом, всё же пробует сладкое...

Оля вернулась к забору и остановилась между берёзкой и рябинкой. Там уже была готова красивая круглая сеть из паутины. Паучок сидел в центре и смотрел на Олю всеми глазами. Она представила себя маленькой, будто летит и сейчас попадёт в эту сеть...

Тут мимо её уха скользнул густой комариный писк, и растолстевший комар завис перед паучком. Оля услышала, наконец, голос паучка.

— Эй, сосед! — крикнул комар. — Неужели у тебя внутри были все эти нитки?

— Ну да, — ответил паучок. — Там их много.

— А зачем тебе эта сеть?

— Чтобы по ней гулять. Или чтобы ты мог отдохнуть. Садись со мной рядом, ты ведь устал, еле висишь. Чего это ты напился?

Комар сел на сеть и сказал:

— Я пил цветочный нектар. А ты чем питаешься?

— Ещё не знаю, — ответил паучок. — Ох, как ты вкусно пахнешь! — И пополз к нему.

— Нектар сладкий, — сказал комар. — Тебе нравится?

— Не знаю, — сказал паучок. — Ещё не пробовал.

— Обязательно попробуй, — сказал комар. — Тебе понравится.

— Сейчас попробую, — сказал паучок. И так посмотрел всеми глазами, что Комару стало не по себе.

— Ты нитку свою к цветам протяни, — сказал он. — А я полетел.

Взмахнул прозрачными крыльями, а взлететь не смог. Прилипли лапы к сетке. Замахал сильнее, забился, задел крылом — и крылья тоже прилипли.

— Это не нитка, — говорил паучок и бежал к нему и совсем не прилипал, — это паутина, свеженькая.

— Почему не прилипаешь? — спросил комар.

— Сам не знаю, — ответил паучок. И посмотрел жадно двумя главными глазами. За ним тянулась блестящая паутинка. Он зацепил её задней лапой, перебросил на переднюю, а потом набросил на комара. — А к тебе хорошо прилипает, — сказал с удовольствием. И стал набрасывать ещё.

— Освободи меня, сосед, — попросил комар. — Я своей комаришке нектар несу.

— А принёс мне. Сам же предлагал попробовать...

Паучок начал пить из комара и думать: "А комаришка у него кровью питается. Вон она, села на человека. Дождусь её, поймаю и попробую. А когда вырасту большой, стану людоедом. Целиком буду вот таких девчонок глотать".

— Так это ты обо мне думаешь! — рассердилась Оля. И сразу почувствовала, тоненькую боль на шее: это комаришка незаметно села и уже пьёт. Оля хлопнула себя по шее и увидела на ладони кровь. — Вот и погибла вся семья.

Она понимала, что бедного комара уже не спасти, и не стала рвать паутину. Дед говорил: "Природа не глупее нас, не надо ей мешать". Оля не мешала, но всё равно было противно. Она уже собралась уходить, но тут над её плечом мелькнула ласточка. Она схватила паучка клювом и умчалась.

Вот тут и пришла к Оле идея: если деда некому искать, это надо сделать самой.

Оля шла домой и думала: "Неужели идеи могут приходить так странно, в борьбе за жизнь?"

НА НОЧЬ ГЛЯДЯ

Размышляя над странностями человеческого разума, Оля потихоньку дошла до дома и у крыльца чуть не наступила на котёнка. Пуся успел выскочить из-под ноги и сердито мявкнул.

"Ох, прости, дорогой, — Оля взяла его на руки. — Задумалась".

"И до чего задумалась?"

"Если некому искать деда, придётся самой".

"Браво! На ночь глядя. Кто тебя отпустит?"

"А зачем обязательно об этом болтать? Я никому не скажу".

"Мы, — поправил Пуся. — Одна не пойдёшь".

"Ну уж нет, голубчик! Ещё тебя по лесу таскать... Дома сиди".

"Да ты что?! — Пуся распушил шерсть до полной шарообразности. — Во-первых, я сам пойду. А во-вторых, если исчезнешь ты одна, будет паника, а если со мной — подумают, что пошла прогуляться по улице. В-третьих, я совсем лёгкий, через мокрое место меня перенести не велик труд. Зато я тебе могу пригодиться".

"Ладно, — согласилась Оля. — Пошли в дом. Может, и не придётся никуда ходить".

Но на крыльцо им навстречу вышла бабушка, одетая улично.

- Олечка, деточка, надо мне сходить в отцово автохозяйство. Может быть, как-нибудь смогут ему передать, чтобы возвращался поскорее. А то ведь некому деда-то спасти. Занятые все какие-то. Ты тут с Пусей поиграй, а я скоро вернусь.

И поспешила со двора.

Оля вошла в дом и первым делом сняла со стены папин пеленгатор. Он уже не пищал, потому что все в доме умели его отключать, чтобы не разряжалась батарейка. Оля повесила пеленгатор на шею и включила. Стала поворачиваться на месте. Нашла, в какую сторону стоять лицом, чтобы писк был самый громкий, и выключила прибор. Определилась по компасу и запомнила градусы.

- Всё ясно, Пуська. В той стороне дедова заимка. До неё прямой путь — пять километров лесом. По пути болото. Это не очень далеко. В августе дни ещё длинные. До темноты можно успеть и туда, и обратно. Но учти: болото большое. Тропы там нет. А пойду я быстро. Понимаешь, я о чём?

"Не возьмёшь?"

"Не возьму, Пусенька".

"А бабушка?"

"Ей записку напишу. Она это место знает, она там бывала. Да и ты её успокой, ладно?"

Пуся знал, каково скакать по болотным кочкам — уже пробовал однажды. Он согласился остаться.

Оля приступила к сборам. Надела брюки и курточку из тонкого брезента, который не протыкают носами комары. Под курточкой — тонкая футболочка, на шее — выключенный пеленгатор. Надела шерстяные носки, сверху — тонкие, а на них — резиновые сапожки. На болоте всегда холодно ногам. Опясалась небольшим таёжным ножом, который специально для неё выточил дед. Тоненько намазала руки и лицо "Комарэксом", а тюбик сунула в карман, потому что "Комарэкс" надёжно защищает всего два часа. Хоть и меньше комаров в августе, а всё же достаточно, чтобы высосать небольшую девчонку. Поместила в рюкзачок тонкий плащ. На ходу он мягок для спины, на привале на нём можно сидеть в сыром месте,

ну и от внезапного дождя. Пакет с хлебом, колбасиной и огурцами уложила так, чтобы не давил спину. Рядом пристроила маленький термос, куда налила чаю из большого. Можно было бы обойтись и огурцом, но горячая вода в лесу — милое дело. Хотела взять фонарик, поколебалась и — взяла, он лёгкий. Коробочка с йодом и бинтом всегда лежала в кармане рюкзака — это была её собственная походная аптечка. Впрочем, и без неё бы не пропала: любую царапину или порез можно на ходу залепить пихтовой смолой или просто листом кипрея, была бы нитка, чтобы примотать. Но с аптечкой всё же спокойнее. И деду может пригодиться. Была в рюкзаке ещё складная подзорная труба, был фотоаппарат, но их Оля беспощадно выложила на свой стол — не на прогулку пошла, лишний вес ни к чему.

Бабушке написала записку: "Бабуля! Пеленгатор кажет на дедову заимку. Я туда быстренько с ним сбегая и до темна вернусь, ладно? Твоя я". Это была самовольная, непослушная записка. Но и дед, и сама бабушка всегда учили, что надо слушаться своего сердца. А сердце выстукивало, чтобы немедленно бежать на заимку.

Погладила Пусю, посадила его на стол рядом с запиской, чтобы бабушка сразу её нашла, и поспешила к лесу.

Конечно, спешила Оля не так, как спешат в кино: летят сломя голову и суетливо перебирают ногами. Она ровно шла широким мягким шагом таёжника, не шла, а текла, как течёт по лесу дикий зверь, не тратя ни одного лишнего усилия, не шумя, чтобы слышать всё кругом, и помогая ушам внимательными глазами. В руке у неё была палка, выструганная из берёзового стволика. Палкой можно раздвинуть мокрые ветки, ощупать подозрительное место на болоте, затормозить спуск на крутизне, оборониться при опасности и много чего ещё. У всякого предмета, который несёшь в походе, должно быть несколько применений.

От дома в сторону дедовой заимки лежала, конечно, малозаметная тропа, знакомая лишь хозяевам. От лесных деревень всегда расходится много таких троп. Был след, конечно, и через болото, и дальше, до самой заимки. Что такое в сибирской тайге — пять километров? Но Оле не было стыдно, что слукавила с котёнком. Мало ли какое может случиться, что станет не до него. А такому маленькому догляд нужен постоянно, особенно в лесу.

Оля шла и считала: два километра до болота, километр через болото и ещё два до заимки — делать ли в пути привал? Если делать, то на середине, а середина приходится как раз на болото. Допустим, села на кочку, хлебнула чаю, пошла дальше, нашла на заимке деда, с ним разобралась, посидела и пошла обратно за подмогой (скажем, нога у него не в порядке), на обратном пути — ещё привал посреди болота. Так отдыхает дед. Но он старый, устаёт быстро и медленно восстанавливается. Нам можно сократить количество привалов до одного, на заимке. Тогда путь туда и обратно сократится по времени, и будет резерв до темноты. Годится, чтобы бабуля не слишком волновалась. Теперь можно посчитать время. Вышла в три часа с небольшим, кажется. Возьмём — в полчетвёртого. Самое большое в один конец — два часа, считая какие-нибудь мелкие приключения и поклоны за ягодой. Полчаса там и два же часа обратно. Три тридцать плюс четыре тридцать — это восемь. А темнеет в девять, даже позднее. Значит, теоретически нормально, как говорит дед. Который же теперь час точно?

Оля покрутила левой рукой, чтобы высвободить из рукава часы, и даже остановилась от досады. Ну вот же язвы! Ну не бывает такого, чтобы уйти в поход и хоть что-нибудь не забыть! Ведь собиралась, на стенные часы поглядывала и всё время думала: свои надеть на руку. Забыла! И до дому уже далеко, и возвращаться — дурная примета, да и бабуля может застучать — тогда уж не отпустит, и примета сбудется. Ладно, вперёд! Дед вон тоже какую-нибудь мелочь обязательно забывает. И точно так же остановится на полпути и скажет: "Ах, язвы!"

Оля, конечно, сердилась на себя. Дед — ладно: он старый, нога простреленная, суставы ломит, ему можно забывать. Но ей-то, молодой!.. Ругаться у деда научилась — это ладно. Но от забывчивости надо отучиваться. И начать с того, что перестать ругаться. Тогда, как говорит мама, разорвётся рефлекторная дуга: забыл — выругался. Перестать ругаться — значит перестать забывать.

Вперёд! До болота ещё с километр.

МЕЛКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Дед готовил Олю в настоящие таёжницы. Он так и говорил: "Всему научу и тогда умру спокойно. Будешь егерем вместо меня". Он знал тайгу во всех подробностях, умел в ней жить даже зимой под открытым небом. Оле нравилось у него учиться. Она всегда огорчалась, что родилась не мальчишкой: для егерской работы ведь даже нет женского названия. И силы маловато. Но дед на это всегда отвечал, что знавал егерей, которым больше подходило название "кухарка" или "глухарка", поэтому главное, чтобы "все пять" были в порядке: руки, ноги и голова, а название — дело шестое. Оля ему верила и училась так, будто была мальчишкой. Зажечь костёр с одной спички, узнать птицу по шуму крыльев, с одного взгляда определить на болоте топь, ну, и так далее. В егерских делах она в своём классе равных не знала...

Вот такие гордые мысли занимали её голову по пути к болоту. Конечно, сказать такое о себе вслух не решится и последний хвостун. А Оле и подавно следовало бы сдержаться: часы-то забыла. Но как раз из-за часов она себя таким способом и утешала: мол, не совсем уж я бестолковая.

И доутешалась: вышла к болоту где-то в стороне от своей тропы. Как только разглядела в деревьях просветы, ломанулась напрямик и тропу потеряла. Остановилась на выходе из леса, среди слабых болотных берёзок, огляделась, и на той стороне, в километре, деревья показались вполне знакомыми. Как раз отлетела очередная тучка, и солнце вселило в хвостунишку уверенность: дойти до середины болота, а там всё будет понятно. Тронула не глядя рукоятку ножа на животе, проверила направление по компасу, уточнила пеленгатором, выключила его, совсем успокоилась и — вперёд.

Шла грамотно: держалась больших кочек, палкой проверяла ровные места — удержит ли мох. И думала не о себе уже. Думала, как удобно дед сделал нож: и ручка по руке, и сам сшил такие ножны, что лезвие в них аккуратно зажато берестой, не потеряется, а сам нож расположен горизонтально, не мешает присесть и задирать ноги и удобно, мгновенно выхватывается правой рукой. Хоть и ни к чему быстро его выхватывать: ни один зверь не нападёт на человека в августе. Еды в августе всем полно. Одной голубики уродилось видимо-невидимо. А в лесу черники не меньше. И грибов всяких — хоть коси. Звери сейчас кормятся перед зимой, но человека всегда замечают раньше и скрываются раньше, чем он их увидит.

На болоте комаров было меньше, чем в лесу, да ещё сдувало их лёгким ветерком. Совсем приятно шагалось. И красивая зелёная гадюка болотная даже не зашипела на Олю. Только приподняла голову и лениво подумала: "Носит же всяких". Оля ей не ответила. А когда отошла подальше, вдруг сообразила: "Я научилась прятать мысли! Вот так я!" И тут же обнаружила, что отвлеклась на свою персону напрасно: опять сбилась с курса. Подумала: "Кочки неправильно лежат. Пока их обходишь, направление теряешь". И тут же услышала: "Не греш-ш-ши на кочки. С-с-сама внимания не держиш-ш-шь". Оля остановилась. Ещё одна болотная красавица подняла к ней голову. Тоже зелёная, с затейливыми чёрными узорами по спине, лежала толстым кольцом на крупной клюкве. А из этого кольца торчал кустик голубики, весь в крупных продолговатых ягодах. Ну хоть фотографируй. Зря не взяла аппарат.

"Ты права, — подумала Оля. — Я сегодня нервничаю".

"Из-з-за деда?"

"А что ты знаешь про моего деда?"

"Наш-ш-шли его з-з-злые люди. Те, что лес-с-с валят. Съес-с-сть хотят".

"Кто так сказал?"

"С-с-сорока... Вс-с-сем деда жалко. Спас-с-сай его".

"Благодарю всех вас, — подумала Оля. — Побегу".

"Пос-с-стой. Впереди топь. Обойди с-с-слева. Нес-с-спеш-ш-шно пос-с-спеш-ш-шай".

"С-с-спас-с-сибо, — подумала Оля. — Можно, ягодку с-с-сорву?"

"С-с-сорви. Только не дразнис-с-сь".

И гадюка шипуче рассмеялась. Она положила голову на мох, чтобы Оле было не очень страшно, и смотрела, как та рвёт ягоды.

"А ты их ешь?" — спросила Оля.

"Иногда... Привет деду".

"А можно тебя погладить?"

"Нет. Я не ручная. Котёнка с-с-своего погладь".

"Про Пуську от сороки знаешь?"

"Да. Иди".

Оля прошла ещё несколько шагов и увидела перед собой яркую моховую зелень, гладкую, хоть валяйся. Это и была топь. За ней блестело "окно" — незаросший кружок чистой воды. Дед говорил, что глубины здесь до восемнадцати метров. А десятилетней девчонке хватит и двух, чтобы утонуть. Оля прошла несколько шагов левее. Там кочки тоже кончались, но мох был темнее и гуще, он мог держать человека. Надо только перешагнуть узенький ручеёк, который тянулся к "окну". Если пройти метров сто влево, то и перешагивать не придётся: там ручеёк теряется под зеленью. Но хотелось поберечь силы, потому что на болоте ноги устают быстро. Узенько совсем. И Оля шагнула через ручеёк.

Она думала в это время, что ручеёк вытекает из этого болота в речку Чижапку, а та впадает в Васюган, а Васюган — в Обь, а оттуда коричневая болотная водичка течёт в Ледовитый океан, и когда-нибудь вся вытечет, и болота высохнут, и мох без сырости засохнет, а под ним — песок, через тысячу лет пустыня бу... Оттолкнулась ногой от мохового берега, будто он был песчаным, и сразу провалилась по колено. Из-за этого шагающая нога не достала до другого берега и ступила прямо в воду. Через миг Оля висела в ручье по пояс, раскинув руки на берега. Ещё через миг провалилась по грудь. Первая мысль, которая появилась в голове через третий миг, была нелепой: "Хорошо, что спички в нагрудном кармане спрятаны в полиэтиленовый пакет". О том ли надо было думать?! Да что за голова такая у этой девицы? Так сказала бы мама...

Между тем все действия Олиного мокрого тела были куда правильнее мыслей. Ноги сами стали поддерживать плавучесть спокойными лягушачьими движениями, а обе руки легли рядом на нужный берег и покачали мох: крепко ли держит. Голова думала: "Хорошо, что забыла часы, сейчас бы намокли", а руки тем временем осторожно подминали под живот зыбкую береговую кромку мха, а ноги подталкивали тело вверх и вперёд, и оно, как ледокол, заползло на спасительный зелёный ковёр. Чем дальше, тем толще, лишь бы не порвать. Голова думала: "Сапоги полны воды, а сбрасывать их нельзя — не ходить же по тайге босиком", а руки тем временем сняли с плеч рюкзачок и забросили его подальше на берег, а тело начало вращаться и катиться на бок, на спину, на живот — подальше на крепкий мох. Перекатилась ещё немного и замерла на спине, раскинув руки и ноги: "Всё, не утонем!" И услышала знакомый голос, не голос, а шум: "Молодец! Грамотно вполне".

"Вир?!"

"Я".

"Смотрел и не помог?! Тоже — друг..."

"Ха! Ты бы хотела, чтобы я ради тебя высосал всё болото?"

"Меня учили, что человека надо спасать любой ценой".

"Ха! Человек в природе — такая же, как все, зверушка. Разве нет?"

Оля подумала и согласилась. Между этими размышлениями она задрала к небу ноги, чтобы вода выливалась из сапог. Вихрь легко вращался вокруг неё и разбрызгивал вытекающую воду. От этого вокруг Оли образовалась радуга.

"Не подлизывайся, — подумала Оля. — Я и так не обижаюсь. Ты ведь прав".

"Молодцом, — одобрил Вир. — За это помогу немного. Лежи так".

И начал нагреваться. Быстро нагрелись и сапоги. От них и от брюк пошёл пар.

"Теперь вставай, возьми рюкзак".

Оля стояла с рюкзачком в руке, а горячий воздух крутился и сушил, а волосы на голове стояли дыбом и трещали.

"У меня волосы не горят?"

"Не бойся. Природа не глупее тебя".

Через несколько минут горячие круги расширились и шевелили мох всё дальше от Оли. Только волосы продолжали стоять дыбом, хотя уже не трещали.

"Теперь поторопись. Твоя тропа немного левее".

"Ты всё время за мной наблюдаешь?" — спросила Оля.

Овета не услышала. Воздух стал неподвижен.

В сапогах было ещё сыровато. Можно было бы развести костерок и досушиться. Но Вир ясно дал понять, что деду где-то там нужна срочная помощь. Какая уж тут досушка...

Оля быстро нашла свою тропу и до самой лесной тверди больше ни о чём не думала, как пчела, летящая за данью полевой.

Вот и знакомая берёза, согнутая в дугу, а за ней — профилёк. Так дед называет узенькую просеку, по линеечке прорубленную геодезистами, которые составляют карты местности и для этого делят всю землю на квадраты. По этому профилю можно дойти почти до самой дедовой заимки.

Вот теперь можно было серьёзно подумать. И уже не о себе и даже не о чудесах Вира. Тут было вообще не до них. Вир, конечно, наблюдает, но помогать не станет, это уже ясно. Значит, надо напрячь все мысли на составление плана. Как подойти к заимке незаметно? Как разведать снаружи, что там делается внутри? Но это ещё пустяки. Как спасти деда, если его стерегут злодеи, которые валят лес. Это мальчишкам можно врезать, и они не решатся дать сдачи. Против злодеев автомат нужен, ведь у них топоры, а то и похуже...

Оля шла по самому краешку просеки и внимательно смотрела вперёд. Она должна первой увидеть того, кто может появиться впереди. Тогда — шаг в сторону, в лес. Закон дикой природы: выживает тот, кого не заметили. Она даже не шла, как ходят по лесу обычные люди, а кралась, не оставляя следов и не издавая звуков. Так ходят звери на мягких лапах и даже на чутких копытах.

До заимки оставалось почти два километра.

Метров через триста Оля заметила первого, кто появился впереди.

Это был огромный лось. Такой огромный, что она не допрыгнула бы до его спины с поднятой рукой. Развесистые рога были такой ширины, что и взрослый человек раскинутыми руками не достал бы до их концов. Такой лось одним ударом копыта может срубить берёзу толщиной в мужскую руку. Так говорил дед. Но бояться лося надо лишь весной, когда у него гон. Что такое гон, дед не объяснил, а просто сказал, что в это свадебное время лось даже медведя может обратить в паническое бегство. Оля тогда посмеялась: "У лося — свадьба! И лосиха у него — в фате!" Но теперь смеяться не захотелось. А вдруг этот самый гон у лося? Уж больно зверь был грозен на вид. И она огляделась и наметила деревья, которые потолще мужской руки, чтобы за ними прятаться, если лось нападёт. И пока оглядывалась, наступила на сухую осиновую ветку. Зверь быстро оглянулся на треск. Взгляды встретились. Оля увидела страх в его глазах. А глаза эти были добры и прекрасны, как у лошади.

- Уй, ты, мой маленький! — Оля совсем забыла, что лучше было бы просто подумать, и сказала это вслух. И всё испортила. Зверь присел на задние ноги и небольшим прыжком снялся с места. Он не помчался сломя голову, бежал без паники, просто уступал дорогу человеку, потому что признавал его силу. Оле стало обидно.

Когда лось убежал, она подумала сразу о деле: "Раз он так свободно щипал тут чернику, значит, людей близко нет". Однако осторожности не утратила и дальше пошла так же бесшумно.

Ещё через километр на высоком пне, который торчал почти посреди профиля, увидела филина. Ночной хищник, любитель чащоб спал на почти открытом месте. Он сидел к ней лицом и увидел её первым, потому что совершенно сливался со старым серым пнём. Оля увидела только тогда, когда филин раскинул мягкие крылья и бесшумной тенью скользнул низом в чащу.

"Обидно, — подумала она. — Я всем мешаю".

"Ты ничуть мне не мешаешь, — раздалось сверху. — Лови!"

Пока Оля поднимала голову, прямо в лоб ей прилетел огрызок кедровой шишки. Нарядно рыжая белка с нарядно чёрным хвостом насмешливо цокала с нижней ветки толстеного кедра.

"Здесь людей не видала?" — спросила Оля.

"Много дней никого".

"Ну, пока".

"Удачи, красавица! Хочешь целую шишку?"

"Нет, спасибо. Спрячь себе на зиму".

"Деду привет передавай".

"А где он?"

"Не знаю, — ответила белка. — Давно не виделись. Он весной спас меня из петли.

Передашь привет?"

"Передам. Его самого спасать надо".

"А что случилось?"

"Злые люди его схватили. Сорока говорить — съесть хотят".

"Не верь сороке. Люди людей не едят. Но могут убить. Я видела в детстве. Пойду с тобой".

Белка поднялась повыше, где ветви деревьев сближаются, и потекла следом за Олей.

Оле хотелось на неё поглядывать, но она себе это запретила и смотрела только вперёд. И тоже текла по краю просеки — бесшумно и незаметно.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Дедова заимка стояла в стороне от просеки, в глубине старой вырубki. Толстые пни от сваленных деревьев давно погнили, обросли мхом и брусникой. Над ними высились крепенькие берёзки и осинки. Это был уже небольшой светленький лесок среди тяжёлого старинного кедрача. Понизу он зарос малиной, шиповником, лабазником и крапивой — не продерётся, если ты не медведь и не лось.

Оля дошла до этой вырубki и осторожно двинулась в обход. Белка прыгала поверху и всё время сообщала: "Никого нет, не бойся". Оля не боялась, но на всякий случай несколько раз проверила на поясе рукоятку ножа — всё спокойнее.

Скоро завиднелась дедова избушка. Она была среди громадных кедров совсем маленькой. И человек возле неё сидел уж и вовсе крохотный. Это был не дед, гораздо моложе и с длинными волосами. Он что-то ел ножом из консервной банки, рядом к стене было прислонено простое охотничье ружьё, а вовсе не автомат. От этого Оле стало как-то спокойнее: ружья она почему-то не испугалась. Наверно, потому что умела с ним обращаться. Простая двустволка-бескурковка. Но белка всё это услышала и подумала ей: "Не очень-то радуйся. Из этого оружия ого-го как попадают". Оля даже не подняла к ней головы. Она с удивлением смотрела на лавку, где сидел негодяй. По свободному её концу гулял Пуся! Да откуда же он тут взялся?!

Оля кралась теперь со всей осторожностью. Ни одну ветку не задела, ни одним сучком не хрустнула. Метров за двадцать до дома попросила белку разведать, много ли их там. Белка сбегала вокруг избушки, заглянула в единственное окно и сообщила: "Ещё один с дедом сидит, а с ними — ваша собака". "И Босяк здесь?!" Теперь она поняла: Пуська помирился с Босяком, и они вдвоём легко обогнали её самым коротким путём. Они-то в болоте не тонули. Что же теперь с ними делать? Босяк, конечно, уже крепкий пёс, но ведь трус отчаянный. Прошлой зимой, когда в огород пришла росомаха, чуть в доме окна не побил, так спасался. Жаль, тогда не понимала, что он там вопил, что он там выл... Она спросила: "Что делает дед? Что делает собака?" Белка ответила, что собака виляет хвостом, а дед сидит привязанный к стулу. "Позови сюда котёнка", — попросила Оля. Белка фыркнула и предложила: "Давай сами, без этих ваших домашних предателей. Я нападаю на волосатого, ты забираешь его ружьё и убиваешь из одного ствола. Когда второй выскочит со своим ружьём, убиваешь его из второго ствола. Потом развязываешь деда, и вы их съедаете. А что не съедите, можно оставить медведю. Он вам за это станет лучшим другом, ему на зиму надо жир нагуливать". "А где сейчас медведь?" "Он сюда придёт завтра". "Не справишься ты с волосатым, — подумала Оля. — А я не хочу их убивать". "Да как же так? — Белка даже рассердилась. — Все друг друга едят, и эти двое деда хотят убить. Ну, не голодная, так

просто убей. Дармоедов своих покормишь, деда — он уж точно голодный. Я-то мяса не ем, я для вас стараюсь. А волосатого я только отвлеку, чтоб ты успела добежать до ружья". "Нет, — подумала Оля. — Позови всё же котёнка. Тебе разве трудно? Только волосатому на глаза не попадайся".

Белка обежала избушку, незаметно выглянула из-за угла, Пуся тут же встрепенулся и спрыгнул с лавки. Вскоре они были около Оли.

"Пуська! Что ты здесь делаешь? Вы бросили бабулю..."

"Бабуля там с твоей мамой. А ты здесь одна, — Пуся мельком посмотрел на белку, — с грызунами. Мы с Босяком тебя ждали. Мы придумали, как выручить деда".

"Вы предатели", — подумала ему белка.

Пуся на неё даже не посмотрел.

"Как будем выручать?" — спросила Оля.

"Убить их всех", — повторила белка и гордо задрала хвост.

"Помолчи, — попросил её Пуся. Он очень старался быть вежливым. — Сделаем так. Я в окно подам знак Босяку. Он схватит за горло того, что в доме. Волосатый на шум войдёт в дом. Если оставит ружьё, всё будет просто: ты его берёшь, входишь следом, и им конец. А если он ружьё возьмёт с собой, ты только откроешь мне дверь, и мы с Босяком..."

"Ничего не выйдет, — перебила белка. — Они сильнее. Давай мы с тобой изобразим драку перед волосатым, он пойдёт тебе помогать, а Оля возьмёт его ружьё..."

"Погодите, — вмешалась Оля. — Всё может выйти не так, как вы представляете. Босяк может испугаться. А если не испугается, бандит может оказаться его сильнее. А волосатый может к вам не подойти..."

Тут сзади раздался лёгкий шум, и раздалась грозная мысль: "Все за мной!" Огромное серое тело скользнуло мимо и мощно устремилось к избушке. Волосатый бандит только успел подняться с лавки и протянуть руку к ружью, но тяжкие рога припечатали его к стене, и больше двинуться он не мог. "Я его подержу, действуйте!" — приказал сохатый. Бандит рванулся, но лось надавил, и пленный выронил ружьё, судорожно вцепился ему в рога и застонал.

Оля подхватила ружьё и распахнула дверь. Пуся метнулся в избушку. Белка взобралась на рога и страшно оскалилась перед лицом волосатого.

Оля сняла ружьё с предохранителя и вбежала в избушку. Там дюжий бандит отмахивался от рычащего Босяка и отступал к окну, где стояло его ружьё. Оля выстрелила в стену рядом с ним, навела ствол в живот и закричала: "На пол! Застрелю!" Она никогда такого не делала и не очень верила, что получится. А если бы не получилось, она не была уверена, что сможет стрелять в человека. Она и из дедова ружья стреляла только по жестянкам. Но сейчас сомневаться было некогда.

Бандит лёг быстро и послушно. И руками сразу обхватил голову, потому что очень близко были зубы отважного Босяка.

Оля бросилась к деду, на ходу выхватывая нож: вот и пригодился. Разрезала на верёвке только узел, остальное размотала, чтоб было чем вязать негодяев. Дед молча принял у неё верёвку, начал вязать лежавшего и спросил:

- А где другой?

- За дверью. Лось его держит. Вяжи скорее, а то задавит.

- Ну и пусть задавит, — сказал сердито дед. — Ишь, реликтовый лес им надо валить.

Но связал он негодяя быстро, половиной верёвки, и с остатком поспешил к волосатому. Босяк следовал впереди него и рычал так, что испугалась бы и россомаха. Лось, правда, не испугался. Надавил напоследок так, что у бандита затрещали кости, и скромно отошёл. Подумал Оля: "Молодец, дитя. До встречи". И удалился в чашу. И белку увёз на рогах, ей это очень было приятно.

- Как же ты, дед? — спросила Оля. — А говорил: "Я разведчик".

- Виноват, внучечка, — вздохнул дед, привязывая волосатого к стволу кедра. — Принял их за приличных людей. Сказали: "Кино приехали снимать. Вот документы". Я в бумаги заглянул, а они меня — по голове. Стареньким уже стал ваш разведчик... Однако надо брать остальных.

- А где они?

- Помнишь, я тебе показывал реликтовый лес, кедрач старый? Они сейчас его валят.

- Сколько их там?

- Трое. Нам не справиться. Надо идти в посёлок за подмогой.

- Хорошо, что ты успел включить маячок.

- Только удивляюсь, как ты пришла сюда. Они ведь сразу забрали мой телефон. Отключить не догадались, куда-то звонили по нему, потом увезли с собой. Я и думал, что сюда никто не придет. Значит, ты успела засечь. А отец ещё не вернулся?

- Да там вообще никого нет. Папа в рейсе, приедет завтра. Мама на операции. Одна бабуля. Она звонила в милицию. Но у них какая-то своя операция. Вот я и пошла.

- Молодец. И звери молодцы. Так работали, будто всё понимают. И лось — просто удивительно.

- Они все уважают тебя, — сказала Оля.

- Так и я их тоже, — дед засмеялся. — Жаль, поговорить с ними не могу.

Оле очень захотелось похвастаться: "А я могу!" Но она нахмурилась и велела себе молчать. Нельзя — значит нельзя. Она не знала, почему нельзя. И спросить было не у кого. Просто чувствовала, что, если начать об этом рассказывать, нарушится равновесие. Но что это за равновесие, она и сама себе не смогла бы объяснить. Нужно бы поспрашивать у Вира, да он всегда спешит и неразговорчив.

Пуся и Босяк слышали эти её мысли и согласно кивали головами, но так, чтобы дед не заметил. Оле вся эта таинственность нисколько не была по душе, но что-то внутри заставляло её признавать, что **ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ**.

Дед сходил в избушку и вернулся с небольшой видеокамерой. Повертел её в руках.

- Олька, я снимать-то не умею, не сподобил господь. Может, разберёшься? Вас же в школе чему-то учили?..

Оля взяла камеру в руки. Знакомые значки. Это — "съёмка", это — "просмотр", это — "перемотка", эта кнопка — "фокусное расстояние". В школьном фотокружке им показывали и видеокамеру.

- Сможешь? — спросил дед.

- Смогу, наверно.

- Постарайся. Они-то меня снимали, когда обижали. Теперь мы их снимаем, для милиции. Эй, ты, старшой! Иди-ка сюда.

- Я не выйду, — раздалось из дома.

- Тогда тебя собачка приведёт. Босяк!..

- Да иду, иду!.. — зашепел старшой.

Обоих связанных дед поставил рядом у кедра перед избушкой, сам стал рядом с ружьём, кивнул Оле, чтоб снимала, и рассказал, как эти люди его захватили и чего хотели. Закончил он так:

- Было бы справедливо утопить этих хищников в болоте. Но мы пойдём через болото одни, а их оставим здесь, под присмотром лесного и домашнего зверья. Мы вернёмся за ними с милицией и продолжим наше кино.

Оля закончила съёмку, немного перемотала и проверила: всё получилось. Тогда она подумала Босяку и Пуся: "Вы совсем молодцы и герои. Поохраняйте их, пожалуйста, чтобы не развязались. Мы приедем часа через три".

"До темноты?" — уточнил Пуся.

"Ты что, боишься?" — спросил его Босяк.

"Потерпите, — попросила Оля. — Мы приедем на вездеходе, по темноте".

"Я не боюсь, — обиделся Пуся. — Я пить хочу. Молочка..."

"Потерпишь, — подумал Босяк. — Я тоже пить хочу. Зато здесь еды полно. Вон сколько мышей. А можно этих двоих сожрать. Мне толстого, а тебе волосатого".

И оба засмеялись.

- Садись на лавку, — велел дед толстому. Привязал его остатком верёвки к скобе, забитой в стену, и посоветовал обоим: — Развязаться не пытайтесь, порвёт собака.

Босяк важно кивнул. Он сейчас порвал бы и медведя.

- Хотите нас казнить комарами? — спросил волосатый.
- А что, — согласился дед, — это идея. Может, нам и вправду не возвращаться? Вы ведь так любите лес. Оставить вас тут до весны...
- Не надо, — попросил толстый. — Он пошутил.
- Отвыкайте от шуток, — посоветовал дед.

Пока Оля с дедом шли через болото и лесом, приключений не было. Только один раз просеку перешёл тот самый лось, который прижал волосатого. Дед сказал о нём:

- Удивительный зверь. Я знаком с ним почти двадцать лет. Верить ли, Оля, он умеет улыбаться.

- Верю, — сказала Оля. — Звери все очень умные. Может быть, умнее нас.

- Поэтому они с нами и не хотят разговаривать, — сказал дед и засмеялся.

Оля засмеялась тоже, из вежливости.

Домой пришли уже в сумерках.

Бабушка с мамой волновались. Они так обрадовались вернувшемуся, что даже не стали их ругать. Но и волноваться не перестали. Отец-то, оказалось, вернулся из своей поездки и сразу уехал на мотоцикле на заимку. Когда? С полчаса назад. И кот со щенком пропали.

- Ничего страшного, — успокоил их дед. — На заимке опасности уже нет. Он там и один разберётся. А звери ему помогут, они давно там. Кстати, Босьяк уже вовсе не щенок. Такой зверюга...

Оля скромно молчала, только кивала. Надеюсь, что забудут отругать за побег или просто простят. И её не ругали до самого конца событий, а потом и вовсе об этом самовольстве забыли.

В десять часов вечера во двор въехал на мотоцикле папа, а следом за ним остановилась у ворот милицейская машина. Вышел капитан, папин одноклассник дядя Миша, убедился, что дед и Оля дома, пожал им руки, деда даже обнял и сказал, что операция в общем удалась, только вот опоздали немного, потому что неприятель отстреливался.

- Никого не задела? — спросил дед.

- Никого, — сказал дядя Миша. — А хотелось. Они нам, вон, стекло пробили лобовое. Пришлось им тоже... немного причёску попортить.

- Нас пытали комарами! — раздался из машины голос волосатого.

- Засохни, — посоветовал ему другой голос, незнакомый. — Ты своё сделал.

Из коляски папиного мотоцикла не спеша выбрались Пуся и Босьяк. Пёс потянулся и скромно ушёл в свою конуру, а котёнка взяла на руки Оля. И услышала: "Завтра в поле нам идти. Вир твой зовёт".

ГЛАВНЫЙ ЗАКОН

До начала занятий в школе оставалось два дня.

И учебники были уже в сумке, и одежда наготове — никакого беспокойства. Это, может быть, в городе новый учебный год — что-то вроде званого праздника: ах, давно не виделись, ах поздравляем. А в таёжном посёлке всех из своего класса видишь каждый день, а с учительницей вместе пропалываешь картошку, потому что огороды рядом, а с директором школы здороваешься каждое утро, потому что она, директор, живёт по соседству и вообще училась с папой в одном классе, а у мамы лечится и ходит к ней в гости.

В общем, Олю гораздо больше заботила встреча с Виром в чистом поле. Раз назначил встречу, значит, дело у него. Хоть бы намекнул, какое. Да, может быть, через Пуську не хотел передавать. Или слишком прост для него небольшой котёнок. Но ведь и Оля не так уж сложна. Выбрал бы для своих упражнений кого-нибудь взрослого. Но, может быть, взрослые для смерча слишком сложны, чересчур умны?.. Было о чём подумать.

Утром Оля встала раненько и начала делать во дворе зарядку, на радость бабушке. Бабуля подумала: "Золотой ребёнок" и на ходу проворчала:

- Наконец-то. Не забудь пробежаться, толстушка.

Оля вовсе не была толстушкой, поэтому не обиделась. Просто бабушка хочет оградить её от последствий малоподвижного образа жизни, как сказала бы мама.

Вот и мама с папой ушли на работу. Он — в гараж, она — на утреннее совещание врачей, которое смешно называется пятиминуткой или летучкой — так же, как в папином гараже называют аварийный автомобиль. Вот и дед вышел подышать и тоже, как бабуля:

- Побегать не забудь.

Сам он сейчас побежит в милицию, давать свидетельские показания против браконьеров. То есть, не побежит, конечно, а пойдёт со всей важностью.

Оля ему сказала, приседая:

- Бегать надо, дед, сначала, а потом — зарядку. Вы с бабулей всё забыли.

Он, конечно, ответил:

- Так мы старые, нам можно забывать. Ты вот почему забыла?

- А я эксперимент ставлю. На живом человеке.

Дед засмеялся. Это его любимое выражение. И ушёл собираться к следователю.

Вон Босяк. Пытается подрить муравейник. Но муравьи уже проснулись и прогнали нахала. Всё же он бестолковый пёс, хоть и храбрый иногда.

А вот и Пуся, сытый Пуся вышел из-под крыльца. Конечно, мышкой перекусил.

"Пуська, я побежала в поле. Идём?"

"Нет. Он велел тебе одной приходить. Я больше летать не хочу. Боюсь высоты".

Оля и не подумала, что, может быть, и в самом деле придётся снова летать. Но думать уже некогда. Надо быть на месте пораньше, пока все приличные дети ещё спят, чтобы никто из них не увязался следом. Вздохнула и побежала трусцой в поле.

Вон директор школы, Ольга Виктровна, с утра копается в огороде. Последняя прополка перед учебным годом. Помахала ей рукой. Издали расслышала: "Какой ребёнок! Жаль, что не отличница". Оля подумала в ответ: "Ничего. Я знаю, что отличники — несчастные люди. Мне мама говорила, ваша подружка. Отличники не знают, чего хотят, потому что они всего хотят, а хотеть надо главного чего-нибудь, тогда всё получится. Жаль, что вы меня не слышите, дорогая Ольга Викторовна". И тут же подумала о себе со стыдом: "Какая заносчивая девица! Сейчас ты от Вира за это получишь".

Бежала она трусцой, не спешила, потому что, конечно, нервничала. Зачем зовёт? Ну, одарил да и забыл бы... Так нет, подсматривает, присматривает...

Пока так размышляла, вот и поле, вот и стожок, в который они с Пуськой тогда угодили прямо с небес. Побежала мимо, прямо к тому месту, где Вир тогда их подобрал. Ишь, какое слово нашла — "подобрал"! Сколько же он их пронёс? Начала считать шаги. Насчитала двести, но ещё не добежала, как услышала: "Гоняться за тобой..." Остановилась и засмеялась: "Чего тебе за мной гоняться? Ты же — везде!"

Воздух вокруг завертелся, но небыстро и негусто. Так, просто обозначил собеседника.

"Нравится слышать чужие мысли?"

Оля честно ответила: "Бывает неловко, если без спроса. А так — ничего. С Пуськой, со змеями..."

"Отказаться, значит, не хочешь?"

Оля задумалась. Было удобно так задуматься: все твои мысли слышны собеседнику, совсем не надо подбирать слова. Он сам выберет главное и легче разберётся.

"Верно мыслишь, — оценил Вир. — Слова затем и придуманы, чтобы скрывать мысли. Было такое время, когда слов не было. Все разговаривали вот так, как мы с тобой. А когда начали хитрить, чтобы себе взять побольше и получше, тогда и научились мысли прятать, а слова показывать".

"Слова скрывают мысль, как одежда скрывает голое тело?"

"Молодец, девчонка! Именно так. Одежда скрывает стыд, и слова скрывают стыд".

"И что же, было время, когда не было стыда? Все голые ходили?"

"Хороший вопрос. Было такое время. Оно у зверей и теперь есть. У них всё честно".

"А людям так, наверно, уже нельзя?"

Вихрь вокруг Оли расширился и тут же вернулся, будто вздохнул.

"Мы этого не знаем", — раздалось в ответ.

Оля удивилась так, что ей показалось это обидным для Вира.

"Как же ВЫ-то можете не знать?!"

"А как ты думаешь, кто это — МЫ?"

Оля задумалась. До этого ей казалось, что она очень хорошо представляет, кто такой Вир и откуда он происходит. Но когда потребовался определённый ответ, она вдруг обнаружила, что в голове совершенно пусто. Ни одного ответа, даже никакого представления.

Вир молча ждал и медленно крутился, иногда вздыхая. Он не торопился. Он, может быть, сам не знал ответа, потому и хотел услышать его от человеческого ребёнка. И едва Оля так подумала, раздался его смех:

"В самом деле! Что может хотеть Природа от такого несовершенного, своего же, создания?.."

"Так, значит, ты — сама Природа?"

"Ещё один хороший вопрос. Мы с тобой оба — Природа. Считай, что сейчас Природа разговаривает сама с собой. Понятно?"

"А что, ей больше не с кем?"

Оля спросила и с ужасом почувствовала одиночество Природы, которая насоздавала всяких умных существ, чтобы... А правда, зачем она их насоздавала? Чтобы — что?

Оля ждала, что Вир услышит и ответит. Но он молчал, хотя, конечно, слышал.

Оля стала думать дальше. Наверно, Природа — это и есть Бог? Кажется, дед уже однажды говорил что-то такое, да она маленькая была, не обратила внимания. Мы все живём внутри Бога, мы все — его частички, клеточки. А сам Он тогда какой? И где Он живёт? И почему у Него нет собеседников? Может быть, богов много, но они живут очень далеко друг от друга? А ходить в гости им некогда, потому что они отвечают — каждый за свою часть Вселенной? А Вселенная — бесконечна. Но в ней всё равно должен быть порядок. Да как же его навести — в бесконечности, если в собственном огороде едва успеваешь? Им, конечно, богам, просто некогда встретиться и побеседовать. Вот они и беседуют сами с собой.

"О-о-ох!" — вот всё, до чего Оле удалось додуматься.

"Вот именно, — раздалось в ответ. — Нам с тобой на эти вопросы не ответить".

"А сам ты — кто?"

"Я — просто вихрь. Тифон. Сифон, заверть, сукавица, пучина, смерч, торнадо. Я — такая же СУЩНОСТЬ, как ты, только другого порядка. Не поняла? Вот ты и растение — сущности разного порядка. Камень — сущность. Вода — сущность. То, что существует. Понятно?"

"И свет — сущность, — подумала Оля. — И тепло, да?"

"Молодец! Быть тебе отличницей".

"Не хочу я быть отличницей".

"Ну, как хочешь. А чужие мысли слышать — не передумала?"

Оля немного подумала и ответила:

"Нет пока. Мне интересно, как ребята в классе думают".

Вир снова вздохнул.

"Хорошо, послушай. Я знаю, кого именно ты хочешь послушать. Хоть это и тайна".

"Какая уж тайна. Витьку мне интересно послушать, из девятого класса".

"Хорошо, — повторил Вир. — Послушай и приходи".

Вихрь стремительно расширился и пропал. Трава перестала шевелиться, только роса с неё исчезла — ровно по кругу.

"Да погоди же!" — позвала Оля. Она не все свои вопросы задала!

Но ответа не было. Пришлось труситься домой. Она честно трусила и на бегу утешалась тем, что встретится с Виром, когда послушает, кого ей нужно.

Пуся ждал её у калитки, сидя на заборе:

"Ну, как полетала?"

Оля взяла его на руки и ничего не ответила. От Пуськи она могла скрывать мысли.

"Как полетала, я тебя спрашиваю? Или ты уже меня не слышишь?"

Пуся встревожился, приходилось его пожалеть. Оля ответила:

"Слышу пока. Не летала. Отберут у меня эту способность".

"А ты не отдавай!"

Оля погладила котёнка, опустила на землю, а сама ушла в дом и легла.

- Во! — сказала бабушка. — Доспать решила? Ну, досыпай, скоро в школу.

И подумала: "Бедная девочка. Надо ей завтра пирог с яблоками сделать".

Оля чуть не сказала: "Лучше пирожки с морковкой!" Но вовремя передумала.

Первого сентября Оля шла из школы грустная. Бросила дома портфель, не стала обедать, а переделалась в спортивное и сказала бабушке, что задали на дом пробежку по полям и собирание осеннего букета. Бабушка вздохнула и сказала, чтоб не долго, а то остынут пирожки с морковкой. Оля вяло улыбнулась и побежала.

Пробежала край посёлка, пробежала стожок, на месте встречи раскинула руки и молча закружилась:

"Ви-и-и-ир!"

"Здесь я".

Воздух вокруг неё тихо завертелся. Оля остановилась и грустно сообщила:

"Вир, я не хочу..."

"Знаю. Молодец".

"Но почему же молодец?"

"Потому что очень многие люди не стоят того, чтобы слушать их глупые мысли".

"Да, ты прав. Даже отличники — такие дураки..."

"Ну, не все. Есть не хуже тебя".

"Значит, таких, как я, совсем мало?"

"Совсем мало, — Вир вздохнул. — Поэтому одну тебя и выбрали".

"Для проверки?"

"Да".

"А разве по одному человеку можно судить обо всех?"

"По лучшему — можно".

"Значит, все люди — плохие?"

"Большинство — да".

"И не исправить?"

"Не знаю. Ждём, что будет".

"Давно ждёте?"

"Давно. С тех пор, как люди заговорили".

"А кто лучше — взрослые или дети?"

"А ты как думаешь?"

"Раз меня выбрали, значит — дети?.."

"Да".

"А хороших людей становится больше?"

"Нет. — Вир вздохнул. — Не становится. Плохо себя ведут даже самые лучшие, только реже".

"Значит, и я?.."

"Не знаю. Как будешь стараться".

"А что это значит?"

"Стараться? Это значит — не обманывать себя. Если делаешь злое — признайся себе: "Я делаю злое". И честно объясни — почему. И оценку себе поставь".

"А если мне сделают злое? Всегда прощать, что ли?"

"Прощать не обязательно. Но и злом отвечать — тоже не обязательно".

Оля немного подумала и согласилась:

"Ты прав. Я поняла. Нельзя увеличивать зло".

"Быть тебе отличницей, — Вир засмеялся. — Только не в школе, а в жизни. В общем, правильно мыслишь. Ещё вопросы есть?"

"Конечно!"

"Спрашивай".

"Скажи честно, Вир, ты был человеком?"

"Был".

"А мне дал такие способности, чтобы моего деда спасти?"

"Да".

"А зачем он ВАМ?"

"Он нужен вам. Он — настоящий человек. Он ещё многих хороших спасёт. Он нужен для равновесия".

"А наших далёких предков ты знаешь?"

"Да. Я сам — один из них".

"Они все были хорошими?"

"Так не бывает. Разные были".

"Чем ты занимаешься?"

"Живу".

"Мы все так будем жить?"

"Как кому повезёт".

"А от чего это зависит?"

"Не могу сказать".

"Не знаешь?"

"Не могу сказать".

"А мне оставили бы дар, если б захотела?"

"Да. Но тогда пришлось бы что-нибудь отнять".

"Что?"

"Речь. Или зрение. Или подвижность. Поменяла бы?"

Оля представила себя немой, слепой или вечно лежащей. Содрогнулась:

"О не-е-ет! Но почему именно так?"

"ЗАКОН КОМПЕНСАЦИИ — главный закон Природы".

"Ужас, — подумала Оля. — Но, наверно, иначе нельзя?"

"Нет справедливых законов, — ответил вихрь. — Привыкай".

"Хорошо, привыкну, я умная".

"Ты — хвастунишка. Отвыкай. Но — умная... Задавай последний вопрос".

"Ой, как жалко... Мы ещё встретимся?"

"Когда-нибудь, — Вир вздохнул, — может быть... Удач тебе".

Вокруг стало пусто и очень-очень тихо. Даже уши заложило. "Потому что дар пропал", — подумала Оля. Ей никто не ответил. Стало грустно и очень одиноко.

Она тихо шла домой, рвала последние ромашки и думала: "Ну совершенно не с кем поделиться. Я обречена на одиночество. Как найду среди людей такого, какой нужен?.. А Витька-то из девятого класса — до чего же глуп, оказывается. Хоть и красивый... Закон компенсации..."

Пуся ждал её на заборе у калитки. Молча смотрел во все глаза. Оля взяла его на руки и сказала:

- Всё, Пусик. Больше нам не поговорить.

Пуся грустно замурчал и сквозь рубашку кольнул ей кожу своим кошачьим электричеством.

- Но ничего, — сказала ему Оля. — Если будем жить правильно, проживём долго, как наш дед. Или даже как Вир. Природу, Пуська, не обманешь...

29.01.05.